

УДК 398+393.05

doi 10.17072/2037-6681-2018-2-16-29

ЧЕРДЫНСКАЯ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ПРИЧЕТЬ: БЫТОВАНИЕ, ОБРЯДОВАЯ ЛЕКСИКА, МОТИВ *ВЕСТКИ-ГРАМОТКИ*¹

Светлана Юрьевна Королёва

к. филол. н., доцент кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. petel@yandex.ru

SPIN-код: 4734-5735

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4246-907X>

ResearcherID: R-9645-2017

Мария Анатольевна Брюханова

магистрант филологического факультета

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bruhanova94@yandex.ru

SPIN-код: 1950-4874

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9489-5172>

ResearcherID: S-1044-2017

Статья поступила в редакцию 25.12.2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Королёва С. Ю., Брюханова М. А. Чердынская похоронно-поминальная причеть: бытование, обрядовая лексика, мотив *вестки-грамотки* // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 2. С. 16–29. doi 10.17072/2037-6681-2018-2-16-29

Please cite this article in English as:

Korolyova S. Yu., Brukhanova M. A. Cherdynskaya pokhoronno-pominal'naya prichet': bytovanie, obryadovaya leksika, motiv *vestki-gramotki* [Traditional Funeral Laments of Cherdyn Area: Current Status, Ritual Lexis, "Letter-Message" Motif]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 2, pp. 16–29. doi 10.17072/2037-6681-2018-2-16-29 (In Russ.)

На примере чердынской локальной традиции описываются особенности позднего бытования похоронно-поминальной причети в Пермском Прикамье. В исследовании учтены опубликованные и архивные тексты XIX–XX вв., а также полевые записи 2009–2011 гг. В обзорной части работы охарактеризованы основные публикации прикамских причитаний и проблемы, наметившиеся в их изучении. Сбор похоронно-поминальных причетов на территории Пермского края не был систематическим и целенаправленным, главный пробел связан с отсутствием подробного этнографического контекста. Фокус внимания в данной статье смещается с текстов и их поэтики на функционирование жанра: материалом анализа становятся рассказы исполнительниц и слушателей; выявляются некоторые механизмы причетной импровизации; описываются факторы, влияющие на приобщение причитальщиц к традиционной плачевой культуре. Причитания исполняются по заранее данному обещанию; зафиксирован случай предварительной записи причетного текста. Отдельная задача, решаемая в статье, – выявление народной обрядовой терминологии и выражений, используемых для описания плачей. Чердынская обрядовая терминология дифференцирована, существуют разные обозначения для свадебных и похоронно-поминальных причитаний. В числе типичных мотивов чердынских причитаний подробно рассматривается передача вестки-грамотки – мотив, связанный с актуальными мифологическими представлениями и ритуальными практиками сельчан. Исполнение специального

похоронного причета воспринимается носителями традиции как реальный акт «иномирной» коммуникации. Связанное с ним выражение «вестку-грамотку передать» является не только обозначением причетного мотива, но и местным обрядовым термином.

Ключевые слова: обрядовая лирика; похоронно-поминальные причитания; плач; причет; мотив; фольклорная формула; народная терминология; обрядовая лексика; русская мифоритуальная традиция.

Для фольклористов, занимающихся изучением русской плачевой культуры, наиболее привлекательной остается традиция Русского Севера, давшая самые развернутые, эстетически сложные образцы причетного жанра и в свое время лучше всего зафиксированная (см.: [Причитанья Северного края 1997; Русские плачи Карелии 1940; Ефименкова 1980] и др.). В последние полтора-два десятилетия появились, однако, репрезентативные собрания похоронно-поминальных причитаний, представляющие традиции Смоленщины, Южного Урала, Сибири, Дальнего Востока [Смоленский муз.-этногр. сборник 2003; Похоронно-помин. традиции на Южном Урале 2008; Русский семейно-обрядовый фольклор 2002] и других регионов. Значительное место в таких сборниках занимают поздние записи, выполненные во второй половине XX – начале XXI в. Несмотря на фрагментарность многих текстов, они позволяют установить набор типичных для этих традиций формул и мотивов, а также обнаружить, как на их «языке» описываются новые реалии (и какие именно). Иногда стадия угасания традиции характеризуется любопытными новообразованиями, связанными не столько с текстами причитаний, сколько с новым контекстом их бытования. Возможно, поэтому интерес специалистов к похоронно-поминальной причети продолжает сохраняться.

Материалы Пермского Прикамья в обобщающих исследованиях используются крайне мало. Отчасти это связано с тем, что прикамскую причетную традицию, по всей видимости, нельзя отнести к числу тех, где представлены развернутые, яркие, самобытные варианты реализации жанра. Но без нее представление о многообразии региональных форм русских похоронно-поминальных причитаний не будет полным. В нашей статье ставятся задачи охарактеризовать основные источники, в которых зафиксированы прикамские причитания, а затем на примере одной локальной традиции – чердынской – описать бытование этого жанра в Северном Прикамье во второй половине XX – начале XXI в. Особое внимание будет уделено типичному для чердынской причети мотиву – передаче *вестки-грамотки*, который тесно связан с актуальными мифологическими представлениями и ритуальными практиками носителей традиции.

Из истории собирания и изучения прикамских похоронно-поминальных причитаний

Записи причетов, исполнявшихся на территории Пермской губернии, известны с середины XIX в.; по-видимому, все они совершались «по случаю», задача целенаправленного сбора не ставилась. Такова небольшая подборка кунгурских причитаний по умершему Е. Будрина², вышедшая в составе «Пермского сборника» [Будрин 1860: 128–131]; в 1918 г. оханские причитания опубликовал фольклорист и краевед В. Серебренников [Серебренников 1918]. Три причетных текста (что непропорционально мало по сравнению с другими жанрами) были включены в сборник «Народные песни Пермского края», подготовленный по материалам студенческой практики и изданный специалистами Пермского государственного университета [Народные песни Пермского края 1966: 229–231]. Известно, что в 1950–70-х гг. записи причитаний в Северном Прикамье осуществлял пермский фольклорист И. В. Зырянов; тексты, не издававшиеся при жизни собирателя, хранятся в архиве ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН и в последние годы начинают вводиться в научный оборот (см. публикацию двух кудымкарских похоронно-поминальных причитаний с нотацией [Щупак 2013]). Аудиозаписи причетов из Пермской области имеются также в материалах ленинградского филолога и фольклориста И. В. Ефремова; часть из них находится в фольклорном архиве ИРЛИ и вплоть до настоящего времени не опубликована [там же: 306]. В 1990–2000-х гг. сбор причитаний осуществлялся в рамках комплексных политематических проектов под руководством лингвиста И. А. Подюкова; эти записи включены в сборники, посвященные традиционной культуре отдельных районов Пермского края – Красновишерского, Чердынского, Усольского, Карагайского [Вишерская старина 2002: 52; Подюков 2004: 187–195; Подюков и др. 2004: 155–156; Подюков, Хоробрых 2009: 59–67]. Несколько современных записей чердынских похоронно-поминальных причитаний приведены в статье по итогам экспедиций филологического факультета ПГНИУ [Елтышев, Королёва 2012].

В числе локальных причетных традиций Пермского Прикамья особого упоминания за-

служивает традиция, бытующая у русских жителей Юрлинского р-на, а также у их соседей – кочёвских коми-пермяков. Ее особенность составляет достаточно активное бытование похоронно-поминальных причитаний и поминальных духовных стихов, тесно взаимодействующих в структуре обряда (юрлинские материалы см. в книге: [Бахматов и др. 2008: 401–417]; кочёвские записи также опубликованы, см: [Четина, Роготнев 2010: 189–223]). Взаимодействие это проявляется не только в очередности исполнения, но и в межжанровом взаимовлиянии (и на вербальном, и на музыкальном уровнях), в результате чего черты одного жанра проявляются в другом. Особенность эта уже отмечалась исследователями [Успенская 2009: 5; Беломестнова 2014], однако само явление, безусловно, нуждается в дальнейшем изучении.

Еще один аспект, обозначенный специалистами, касается способа исполнения причети. На территории Пермского Прикамья бытовали, а кое-где могут быть зафиксированы и сегодня, несколько локальных традиций, которые заметно различаются по мелодике, набору типичных формул и мотивов, степени импровизационности, а также по связанной с ней форме исполнения – индивидуальной или коллективной. По последнему из названных параметров традиции Прикамья оказываются для исследователей особенно ценными: здесь обнаруживаются редкие формы ансамблевого (совместного, группового, или – в терминологии И. В. Зырянова – «многоголосного») исполнения похоронно-поминальных причитаний, точно зафиксированные на Мезени и Вологодчине [Марченко 1990]. Бытование подобных форм – явления еще мало изученного – в фольклорных традициях Пермского края, генетически тесно связанных с традициями Русского Севера, представляет, по оценке этномузыкологов, огромный интерес³ [Щупак 2013: 299].

Таким образом, для решения встающих перед исследователями задач важным является учет не только как можно большего числа текстов, но и самых разных контекстов (место в обряде, манера исполнения, обрядовая терминология, границы ареалов и т. д.). Знакомство с опубликованными и архивными источниками заставляет, однако, констатировать, что применительно к причитаниям Пермского края контекстуальные сведения представлены довольно лаконично. Своего рода исключение представляет чердынская традиция, подробная информация о которой фиксировалась целенаправленно в экспедициях ПГНИУ 2009–2011 гг. Обратимся к материалам, собранным в разное время на этой территории.

Бытование чердынской похоронно-поминальной причети

Анализ этнографических источников и полевых записей позволяет говорить, что ареал бытования чердынской локальной традиции включает Чердынский и часть современного Красновишерского р-нов Пермского края⁴. Границы ареала определяются историческими и географическими факторами. Здесь располагался исторический центр Прикамья, русские поселения появились на этой территории в XV–XVI вв. благодаря внутренней миграции населения с Русского Севера. Когда в XVII–XVIII вв. произошло массовое переселение староверов в отдаленные регионы, большое влияние на культуру Северного Прикамья оказало старообрядчество (общины старообрядцев в обоих районах есть и сегодня). Современный Красновишерский р-н раньше входил в состав Чердынского уезда, но поскольку по отношению к бытованию фольклорных явлений административные границы носят условный характер⁵, то гораздо важнее, что обе территории соединены прямым речным сообщением (это обстоятельство обычно имело решающее значение для распространения фольклорной традиции). Они расположены в верхнем течении Камы, в междуречье Колвы и одного из камских притоков – Вишеры – и составляют значительную часть северо-восточной этнографической зоны, выделяемой внутри региона.

Отдельно скажем о границах текстового материала. Как и на других территориях, здесь бытовала (и, судя по количеству записей, достаточно широко) специфическая функционально-тематическая группа причитаний – плачи невесты-сироты по родителям. Подобные произведения составляют зону прямого пересечения свадебной и похоронно-поминальной причети: они включают типичные поминальные формулы и мотивы и фактически представляют собой поминовение умерших родных, осуществляемое в ходе свадебного обряда. На взаимодействие двух ритуальных циклов указывал И. В. Зырянов в неопубликованной работе «О взаимосвязях похоронной и свадебной причети» (сер. 1970-х гг.): «В собственной собирательской практике не однажды приходилось убеждаться в том, что в репертуаре отдельных исполнителей похоронные и свадебные причитания имеют много сходного: одинаковую заплачку (или плачевый приступ), совпадающие мотивы и художественные образы, общую ритмико-мелодическую основу стиха», – и далее: «...сами исполнительницы причитаний не видят разницы между поминальным плачем и причитанием невесты-сироты. В них могут совпадать многие мотивы, начиная с зачина и кончая формулами просьбы благословения» [Зыря-

нов РО ИРЛИ РАН: л. 31, 42]⁶. Такие плачевые произведения могут учитываться при анализе образов и мотивов чердынской похоронно-поминальной причети⁷.

Обратимся непосредственно к причитаниям. Одно из самых ранних свидетельств о чердынских плачах обнаруживается в этнографическом очерке учителя Н. Корнаухова, опубликованном в 1848 г. в «Отечественных записках». Он замечает, что «при похоронах все ближние родственники умершего непременно должны громко выть и плакать с причетами, хотя бы умерший был старик или старуха, лет семидесяти и более; эти рыдания далеко бывают слышны, когда несут усопшего» [Корнаухов 1848: 57]. Здесь упоминается местная манера исполнения (*громко выть, далеко слышны*) и импровизированный характер причетов. Об аналогичных чертах звучания сообщается и в наших полевых материалах: «...когда у нас зять, у меня у этой дочки, попал в аварию, на похоронах... он из Усть-Уролки был... Матрёна её звали, нет её уже живой, она плакала. На машине везли до Усть-Уролки, всё прокричала, особенно заехали в деревню в Усть-Уролку, она так кричала, наверное, во всей округе было слышно (Она ведь какие-то слова приговаривала, не просто же?) Да. Она не так же кричит, она говорит и плачет» (НАА; список информантов см. в конце статьи).

Особенно ценными представляются рассказы, записанные непосредственно от плакальщиц и дающие взгляд «изнутри традиции». В таких нарративах проявляются, в частности, некоторые механизмы импровизации. Так, мать, потрясенная неожиданной гибелью сына, включает в свой причет упоминание тех деталей, которые бросаются ей в глаза и особенно ее задевают (толстые ботинки на ногах умершего, капли воды на его лице и др.): «Гроб занесли когда, привезли из городу-ту, я бросилась, меня не пускают, а я всё равно прошусь посмотреть. Причитаю – посмотрю мол, какой ты есть. Ведь надежда моя была, не должен ты бы в этом гробе лежать. Наговариваю – я мол всё тебе наготовила, одежду, обутки. На что же на тебя такие ботинки надели, подошвы толстые, ой, долго тебе придется изнашивать, ну ничё, ты молодой, носи. Увидела у его на бровях крапинки воды, с улицы ведь занесли, я и спрашиваю – обрадовался, что дома, вон сколь ты у меня не был, два года, вот и увиделись...» (пос. Цепёл, Красновишерский р-н [Вишерская старина 2002: 52]).

Интересно и то, какие мотивы причитаний запоминаются присутствующим. Показателен рассказ пожилой жительницы с. Редикор о причете, исполненном в ситуации, когда обычные требования к похоронно-поминальному обряду были

вынужденно нарушены. Невестка хоронила свою свекровь, но из-за недостатка средств не смогла приготовить домашнее пиво; видя, как вместо традиционного напитка дочь умершей наливает купленное в магазине вино, женщина начала причитать: «...все вышли из-за стола, она села и плакала: “Не осуди меня, я не наварила пива пенного, не набрала вина зелёного, у меня нету ладушка”, – значит, мужика. Вот это она присказывала, Лиза. <...> Сына у неё [свекрови] убили на фронте, а сноха Лиза с ней жила, она вот присказывала. Она ни пиво, ничего не варила, только квас сделала. А дочь приезжала из Березников Анюта, она вот красное вино набрала. Красное вино, и вот этим всем кержакам подавала по сто грамм, по рюмке: “Мама тоже выпивала, давайте все выпейте по рюмочке, помните маму”. <...> (А дочь Анна сама не приплакивала?) Нет, ничё она не понимает. (Сноха, получается, знала?) Да, сноха плакала, она знает. Она старинный человек, кержачка была тоже» (ПНВ). Попросив у умершей прощения за то, что не смогла устроить всё правильно, невестка своим причетом символически «компенсировала» нарушение обряда, и найденные ею для этого слова надолго запомнились слушательнице. Показательно, что сходные наблюдения делаются исследователями на материале поздних записей из других регионов: в вологодских рассказах об исполнении причетов обычно также воспроизводятся наиболее типичные формулы («общие места») либо фигурируют какие-то единичные, уникальные случаи (с редкими причетными строчками) [Югай 2014: 144–145].

Полевые исследования 2009–2011 гг. показали, что чердынские похоронно-поминальные причитания быстро выходят из обихода; при этом в различных частях района зафиксирована неравномерная сохранность плачевой культуры. Жители центральной части вспоминают, что плачи здесь можно было услышать в 1990-х гг., теперь же традиция практически угасла. За исключением с. Редикор (территориально тяготеющего к юго-западной части района), похоронно-поминальные причеты удалось записать только в пос. Рябинино (все исполнительницы – приехавшие сюда уроженки деревень).

Одна из носительниц традиции, А. А. Лашкова, рассказала, что причиной последнего исполненного ею причета (в 2009 г.) стало обещание *поплакать*, которое перед смертью взяла с нее кума и близкая подруга. Здесь же зафиксирована любопытная модификация причетной традиции, которая могла появиться только на поздней стадии бытования жанра. Во время беседы с пожилой жительницей Рябинино, А. С. Пестревой, она показала свой *смертный узел* – вещи,

приготовленные для похорон и хранящиеся в специальном чемодане; среди предметов обнаружилось два листа, на одном из которых был напечатан популярный современный духовный стих «Завещание умирающей матери», а на втором записан текст похоронного плача⁸: «*Ты вставайко родима мамонька. Собрала ли ты дорогих гостей не на пир да не на беседушку. Проводить тебя в последний путь во сырую землю-матушку. Отходили резвы ноженьки отработали белые рученьки, отглядели ясные оченьки. Ты последние часы-минуточки во своем-то да теплом гнездышке*» (ПАС). Оказалось, женщина записала причитание собственноручно; над словами сделана приписка, адресованная дочери: «*Надя, поплачь*». Как и в предыдущем случае, здесь имеет место предварительно оставленное завещание *поплакать* на похоронах, – но не устное, а письменное; при этом ни дочь А. С. Пестеревой, ни она сама никогда плачей не исполняли и манерой приплакивания не владеют. По всей видимости, факт исполнения причета оказывается для пожилой женщины важнее, чем вопрос о том, как именно это будет сделано (очевидно, что дочь способна только *прочитать* записанные слова – публично или наедине с умершей матерью, вслух или про себя). Современными исследователями уже отмечены примеры перевода похоронно-поминальных причитаний в письменную форму (так, известны ситуации, когда северорусские причитальщицы записывают собственные или чужие «слова» непосредственно после их исполнения [Алексеевский 2008: 43]; одна из карельских исполнительниц продиктовала дочери плач на собственную смерть [Степанова 2015: 182]); чердынский случай – еще один пример трансформации традиции, который может быть поставлен в этот же ряд.

Что касается юго-западной части Чердынского района (и в особенности правого берега Камы), на момент обследования плачи здесь функционировали гораздо активнее. По рассказам местных жителей, причеты предполагают импровизацию и исполняются только индивидуально: «*Плачут, плачут по покойнику. Это у нас есть, заведёно. Вот скажем, покойник, у кого чё наболело, выплакивают всё, присказывают. <...> Ну если там у неё наболело, как она останется одна, ведь всё она приплакивает, высказывает всё. <...> А кто знает, чё присказывать, тот присказывает всё и говаривает. Люди сидят слушают*» (ПНВ). В ряде населенных пунктов (с. Редикор, д. Коэпты, Усть-Уролка, Б. Долды, пос. Курган) есть женщины пожилого возраста, которых периодически зовут причитать по умершим; с некоторой долей условности их можно назвать «профессиональными» плакаль-

щицами. Самая молодая из исполнительниц, о которой довелось узнать, – жительница старообрядческой деревни Усть-Уролка В. И. Шаламова, 1956 г. р.; на момент нашего знакомства ей было 55 лет и она уже имела репутацию талантливой причитальщицы. В то же время здесь еще помнят, что традиционно на похоронах и поминках причитать должны были сами родственники (*чужих людей* раньше приглашали попричитать лишь в дом невесты перед свадьбой).

Обрядовая терминология и рассказы современных причитальщиц

Локальную специфику причетной традиции составляют не только отдельные мотивы плачей, но и обрядовая терминология, закрепленная в данной местности. У русских известны, например, такие обозначения, как «причёта», «вопа», «воя», «жали», «крика» и др. [Чистов 1960: 6]⁹. Материалы диалектных словарей показывают, что на территории Чердынского р-на зафиксированы слова *плача* и *плачь*, обозначающие жалобную песню, которую поют на девичниках [СРНГ 1992: 02–103]; там же с пометкой «перм.» приводится слово *причёть* [СРНГ 1998: 60]. В действительности, как видно по полевым материалам, народные обозначения различных видов причитаний даже в одном только Чердынском районе были много разнообразнее. При этом обращает на себя внимание бо́льшая – по сравнению с центральной частью района – дифференцированность обрядовой терминологии камского правобережья. В пос. Рябино и окрестностях исполнение похоронно-поминальной причети обозначается словами *плакать* и *плачи сказывать*; однако жительницы правого берега хорошо помнят, что эти выражения обозначают только свадебные причитания: «*Плачи сказывать – это когда я иду замуж и меня [готовятся отдавать], садимся за стол, жениха пока нету, мне плачи сказывают*» (ЛНП). О похоронных же и поминальных плачах здесь говорят *причитать*, *приплакивать*, *умёрише плакать*; смешения разных наименований информанты старшего возраста не допускают. Интерес представляют и те глагольные единицы, при помощи которых плакальщицы описывают обрядовое причитание как действие. Здесь мы можем наблюдать лексически разнообразные глаголы: *говорить / сказать, кричать, петь, плакать, причитать*.

Рассказчицы подчеркивают, что для исполнения причитаний важно умение импровизировать: «*Кажный своё горе по-своему выговариват. Плачет и высказывает. Кажный своё*» (ГЮМ); «*Что придумает, я то и скажу ему*» (ЛНП); «*Чё вздуматся, то всё говоришь, и говоришь, и говоришь... <...> Оно просто льётся как уже*

само по себе» (ШВИ). Знание разнообразных традиционных формул и способность *приказывать* «от себя» считаются особым талантом, который есть не у всех: «Ну вот кто такой талантливый, дак много чё приказывает, умеет кто говорить. <...> Просто талантливые есть, а есть которы ничё не знают, дак просто так плачут, ничё не говорят» (ГЮМ). Об особом психологическом состоянии, позволяющем *приплакивать*, В. И. Шаламова рассказывает так: «Дальше всё погружаешься, погружаешься. Оно по себе выливается, выливается. И вроде даже не знаешь некоторых слов – они сами подходят, и подходят, и подходят, всё дальше, дальше» (ШВИ). Формулы и мотивы, из которых строится причитание и которые Валентина Ивановна слышала в детстве, существуют в ее памяти и в момент особого эмоционально состояния воспроизводятся плакальщицей – иногда неожиданно для нее самой. При этом набор клишированных формул, перемежаемых личными переживаниями, позволяет выразить собственное, персональное горе. Через употребление рассказчицами таких глагольных форм, как *вздумается, взбредётся, льётся, погружаешься, выливается*, передается индивидуально-спонтанная сторона процесса причитывания; другие лексические единицы и выражения (*придумаешь, выговариват, приговаривашь, приказывают, слова подходят, выколупат из нутра*) показывают понимание природы и назначения причитаний.

В беседах о похоронно-поминальной причети женщины часто подчеркивают важность «правильного голоса»: «Но само главно – голос. Слышать надо, как было пето» (ЛНП); «Она не так же кричит, она говорит и плачет» (НАА); «Конечно, не так, как вот обычно говоришь, и не так, как поёшь. <...> Да практически так же, как песню тянешь, как с отрывами, но не так, как песня поётся. А просто отрываешься» (ШВИ). Одна из местных жительниц назвала нужный для причитания голос *мертвецким* (т. е. плачущим): «Ну дак не так же высказывашь, как щас говоришь, конечно. Как вроде плачешь. Такой голос, как мертвецкой, выводись. Сам уж такой голос выводись» (ГЮМ). Рассказчицы констатируют отличие причета одновременно и от простого плача, и от обыкновенной речи, и от обычного пения. Необходимость специфической манеры голошения известна практически повсеместно, где существует плачевая культура; это правило, по-видимому, можно объяснить представлениями об особой природе голоса «как своего рода “орудия связи” между земным человеческим миром и потусторонним миром предков» [Толстая 1999: 135].

Интервью с причитальщицами интересны еще и тем, что показывают их становление как плакальщиц. Так, В. И. Шаламова начала *приплакивать* довольно рано, и побудило ее к этому трагическое событие, которое она тяжело переживала: «Вот я с двадцати трех лет начала, когда сестра у меня умерла, я её очень любила <...> А потом у меня уже само по себе. Даже и *приплакивала по чужим. По чужим, кто близкие, родня, да вот такие*». Большую роль в формировании мастерства причитальщицы сыграла мать Валентины Ивановны (о важности этого момента упоминает большинство исполнительниц): «У нас мама хорошо *приплакивала. Я вот от её больше. Она у нас, когда отец помер, мне было четыре года, я почему-то это слышала. Сначала вот отец помер, потом она над другими там – сестра у мамы, например, умерла. Я всё ходила же, ездила <...>. Она это *приплакивала, а я всё как вроде запоминала и как от неё переняла*». О том, что именно трагические события формируют «умение плакать», выразительно сказала и Тамара Николаевна Микова, 1934 г. р., – тоже талантливая плакальщица, жительница д. Большие Долды: «Горе меня научило *приплакивать. У кого горя нет – тот и *приплакивать не умеет. Вот так. А у кого горе есть, тот и *приплакивать умеет, и всё умеет**». Таким образом, в освоении причетного мастерства большую роль играют не только постоянное наблюдение этой традиции, но и эмоциональные потрясения, заставляющие женщину практиковать подобное ритуализированное выражение скорби.**

Об одном причетном мотиве: *передача вестки-грамотки*

В структуре чердынского похоронно-поминального обряда причитания занимают типичное место. Принято *приплакивать* в доме в день похорон (в таких причетах присутствуют мотивы сиротства родственников, важен образ покинутого дома – *тёпла гнездышка и не той пути-дороженьки*, по которой пошел умерший, переселения в *новый домик – без окон, без дверей*); плачут по дороге на кладбище, а затем над могилой¹⁰. Поминальные причитания исполняются в 9-й и 40-й дни, години; здесь центральным оказывается сюжет ожидания умершего и несостоявшейся встречи, реализуемый с помощью символических образов *расплескавшейся чарочки и потухшей свечи* («В правой-то рученьке у меня была чарочка, / А в левой-то рученьке да у меня горела свеченька. / Чарочка-то у меня да расплескалася, / А свечечка-то у меня да потухалася» (ГЮМ)). Причет на Семик / Троицу содержит традиционное для таких причитаний обращение к стихиям – ветрам, грому – с просьбой «расколоть гробову

доску» и выпустить умершего на свет (т. н. сюжет «оживления» умершего [Алексеевский 2007]); этот сюжет многократно встречается в семиковых причетах из различных районов края: Соликамского, Карагайского, Кунгурского и др.; широко известен он и в других регионах.

Одним из наиболее интересных мотивов чердынской причети можно назвать *передачу вестки-грамотки* (на тот свет). Само по себе выражение *вестка-грамотка* и его близкие варианты встречаются в различных жанрах классического фольклора: былинах, исторических песнях, сказках, – т. е. являются формульными (в терминологии Г. И. Мальцева [Мальцев 1989]). Л. Г. Невская рассматривает эту формулу формулу/мотив как элемент совокупного балто-славянского текста погребальной причети; по ее наблюдениям, мотив *пёстрой* (лит. *margas*) / *скорописчастой* (рус.) *грамотки* входит в блок сюжетов и текстов, описывающих встречу покойного с умершими родственниками, начало его «другой» жизни, а также послания к ним живых с просьбой о покровительстве [Невская 1993: 11, 176]. Конкретизируя семантику мотива в русских (вологдских) причитаниях, Е. Ф. Югай указывает на то, что здесь он имеет две основные реализации – передачу приветов на тот свет и описание того света как невозвратного, откуда нет «ни выводу, ни выезду». «В первом случае поклон словесно передан и условно доставлен»: «*Я с тобой, лебедь белая, / Дак накажу наказаньце, / Пошлю поклон-челобитницу <...> / Дак напишу я записочку, / Дак не пером, не чернилами*»; «во втором – письмо включается в формулу невозможного <...>: “...Туды почта-то не ходит / В мать-сыру землю / Не послать да письмо-грамотку”» [Югай 2011: 89]¹¹. Именно в этой второй разновидности мотив вестки-грамотки типичен для усть-цилемских причитаний, где он встречается довольно часто: «*Не дождать будет мне вестипавести, / Не дождать будет мне письма-грамотки*»; «*Из той пути да с той дороженьки <...> / Ни письма нету, ни грамотки, / Ни словесного наказаньца*» [Ильина 2013]. Обнаруживается он и в других региональных традициях – например, у русских Южного Урала: «*Пишу-то я тебе, сынушко, / Не пером, не чернилами <...>. / Не предают видно никто, сынушко, / Тебе мои письма-грамотки. / Всё я жду от тебя весточку, / Не дождусь ни с которой сторонушки*» [Похоронно-помин. традиции на Южном Урале 2008: 28–29]¹². Мотив ненаписанной / неполученной вестки-грамотки зафиксирован и в единичных записях из Ильинского, Карагайского, Кунгурского районов Пермского края.

На этом фоне ярче проявляется специфика данного мотива в чердынской плачевой тради-

ции. Он широко известен повсюду, где плачи еще исполняются, и составляет сюжетную основу специального причета, который может звучать на похоронах. Обычно такой плач исполняет не родственница, а соседка, подруга или знакомая, которая пришла проститься с умершим, пока гроб находится в доме. Считается, что с помощью этого причета через покойника можно передать привет или какую-то новость своему умершему родственнику: «*Пошлю-ка я с тобой да вестку-грамотку / До родимой до маменьки. / Неси же ты, неси да не урони, / В леса темные да моря синие, / Неси да передай прямо в руки*» (ЛАА). Комментарии исполнительниц показывают, что они действительно воспринимают исполнение подобного причета как акт коммуникации с умершим: «*У кого какое горе – так и высказывают. Вестку-грамотку да чё да передают. <...> Пример вот, умер: “Передай-ко да вестку-грамотку, как живу да я да маюся <...>, скажи да расскажи моей-то да милой ладушке”. Он <умерший> и рассказывают. Да, на том свете. Иишет её и рассказывают!» (ШМК).*

Показательно воспоминание, записанное от причитальщицы В. И. Шаламовой из д. Усть-Урлка. Ее мать дала обещание после смерти никогда не видеться родственникам во сне. Но после причета-просьбы, переданной с умершей соседкой, она нарушила обещание и приснилась дочери: «*Ну, я вот так же тётке Насте поприплакивала, говорю ей: “Тётка Настя, вот передай там мамке, да расскажи, как я живу, пускай-ка она привидится мне во сне. Да расскажу ей, какое у меня горе”. Сын у меня был в армии, и мне тогда было так тяжело! И она ведь мне в ту ночь привиделась во сне <...>. И вот так я с ней наговорилась...» (ШВИ). Потребность «наговориться» с покойной матерью была вызвана сложными жизненными обстоятельствами (гибелью младшего сына, призывом в армию старшего, затяжной болезнью самой исполнительницы). Об этом случае помнят и рассказывают также свидетели исполнения причета, для которых произошедшее является еще одним доказательством возможности иномирных контактов: «*А вот Валентина Ивановна-то, когда у меня мама умерла, приплакивала. Говорила как-то: “В землю пойдёшь туда, в сыру землюшку, у меня там мама лежит, ты, тётя Настя, расскажи, как я живу...” И она ей на второй день снилась во сне, её мать-то. Ей наснилось, как будто моя мама передала эти слова*» (ДКМ). По-видимому, установление подобного «контакта» до сих пор во многом определяет прагматику этой разновидности похоронного плача и способствует его сравнительной устойчивости на обследованной территории.*

Что касается отрицательной формы – *вестки-грамотки*, которую передать невозможно, – в чердынской традиции она обнаруживается только в свадебных причитаниях невесты-сироты. В них девушка пытается отправить весть с «перелетным да ясным соколом», «со ветрами со буйными» или с заходящим солнцем: *«Ты постой, постой, теплое солнышко, / Я пошлю с тобой да вестку-грамотку / Во сытучю да землю-матушку / Я своему-то кормильцу-батюшке, / Я своей родимой мамоньке»* [Зырянов 1975: 36]. Встречается контаминация этой формулы с другими мотивами местных поминальных причетов: *«Сколь писала да весточки-грамотки. Не дошла да видно весточка-грамотка до моей до родимой мамоньки. Сколь ждала не дожидалась, выходила на крылечко. Во правой-то рученьке держала чарочку зелена вина, во левой-то рученьке свеченьку да воскоярую. Свечечка-то истеплялася, чарочка-то расплескалася»* (ГАИ). В этой разновидности причитаний границы миров всегда изображаются как непроницаемые, а встреча – как невозможная.

Более полно специфика чердынской плачевой традиции может быть выявлена путем сопоставлений с другими локальными традициями Пермского Прикамья. Пока же к числу характерных ее черт можно отнести исключительно сольное исполнение и выраженное импровизационное начало, наличие как универсальных причетных формул, так и редких, особых вариантов их реализации. Наблюдается сравнительно хорошая сохранность и дифференцированность народной обрядовой терминологии. Отдельные случаи приплакивания, содержащие в себе что-то необычное, запоминаются и становятся предметом устных рассказов. Особую роль в чердынской локальной традиции играет похоронный причет с мотивом передачи вестки-грамотки: его исполнение воспринимается не как символическое речевое действие, а как вполне реальный акт коммуникации с умершими, само же устойчивое выражение *передать вестку-грамотку*, с одной стороны, содержит фольклорную формулу, а с другой – оказывается народным термином и пополняет фонд местной обрядовой лексики.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 15-14-59003 («Похоронно-поминальный фольклор Прикамья в системе русской традиционной культуры»).

² В фамилии публикатора имеются разночтения: в содержании «Пермского сборника» он

назван *Бурдин*, а непосредственно в тексте публикации – *Будрин* [Бурдин 1860: 131]; в Пермском крае встречаются обе эти фамилии.

³ По предварительным данным, групповое исполнение похоронно-поминальных причетаний зафиксировано в Юрлинском, Кудымкарском, Карагайском, Ильинском и, вероятно, Сивинском р-нах. Известные нам материалы включают записи из 20 районов современного Пермского края, однако в большинстве случаев сведения о форме исполнения причетаний (индивидуальная / коллективная) отсутствуют.

⁴ В 2009–2011 гг. в формате фольклорных практик и исследовательской экспедиции сотрудниками и студентами филологического ф-та ПГНИУ была обследована центральная часть Чердынского р-на с населенными пунктами по рекам Колвы и Вишеры (пгт Ныроб, пос. Рябинино, с. Искор, Камгорт, Бигичи, Редикор, д. Серёгово, Урол, Корнино) и его юго-западная часть вдоль Камы (с. Пянтег, пос. Курган, д. Амбор, Б. и М. Долды, Усть-Уролка, Коэпты, Исток); на территории Красновишерского района подобных целенаправленных исследований похоронно-поминальной причети не проводилось.

⁵ Ср.: Село Губдор, где в конце 1950-х – начале 1960-х гг. были сделаны записи причетаний (см. тексты № 229 и № 230 в сб. [Народные песни Пермского края 1966: 161]), относилось к Чердынскому р-ну; сегодня это часть Красновишерского р-на.

⁶ В вологодской традиции подобные причитания звучали на кладбище, а затем дома перед прибытием свадебного поезда; Б. Б. Ефименкова указывает, что, заимствуя содержание плача на сорочины, домашнее голошение невесты-сироты исполняется на свадебный напев и чаще хором девушек [Ефименкова 1980: 22]. В кратком комментарии к чердынской причети И. В. Зырянов сообщает, что невеста причитала на могиле родителей [Чердынская свадьба 1969: 42].

⁷ Кроме уже упоминавшихся источников, представление о поэтике чердынских причетаний дают публикации текстов XIX–XX вв.: [Предтеченский 1859: 36, 38–39; Зырянов 1975: 36–40], № 30 и 34 в [Чердынская свадьба 1969]; также нами учтены материалы 1987–1988 гг. из архива фольклорной практики ПГНИУ (плачи невесты-сироты).

⁸ Текст приводится в соответствии с первоисточником.

⁹ Об обрядовой терминологии голошения на более широком славянском материале см.: [Толстая 1999: 145–146; Микитенко 2010: 32–34, 71, 97].

¹⁰ О некоторых мотивах чердынских похоронно-поминальных причитаний см.: [Подюков, Хоробрых 2009: 59–62].

¹¹ Мотив загробного письма характерен и для плачевой культуры южных славян: в болгарских причитаниях он реализуется как просьба к умершему сообщить о себе: «*Писма майк 'я от тебе че чека – / писма майци по-често да пишеш!*» – ‘Письма матушка будет от тебя ждать, / Письма матушке пиши почаще!’ – но встречается тут и мотив непришедшего письма («*от нийде нищо не дойде*») [Микитенко 2010: 261–262]. У восточных славян, в т. ч. в украинских причитаниях, он в основном представлен в значении невозможного действия: «*О мій синоньку! / Чому ж ти ни пісемко ни пришлеш...*», – либо констатируется, что между тем и этим светом нет никакого сообщения: «*Видтиль ни письма не шлють, ни самы не йдуть*» [Коваль-Фучило 2014: 72, 77].

¹² Ср. этот мотив за пределами славянской традиции (но в зоне непосредственных с ней контактов): в карельских причитаниях «*легкие, не стираемые, с печатями телеграммочки*», «*по почтовой почте отправляемые листы-граммотки*» встречаются в мотиве-просьбе известить всех родных о смерти и пригласить их на похороны [Степанова 2015: 190–192]. Примеры загробного письма в вепсской и румынской причетных традициях, а также используемые в них номинации послания см.: [Iugaï 2016: 170–179].

Список информантов

ДКМ – Дементьева К. М., 1938 г. р., старообрядка, жительница д. Усть-Уролка; 2011 г.

ГАИ – Гамшова (Патрушева) А. И., 1916 г. р., д. Тагъяшер; 1988 г. Фольклорный архив ПГНИУ. Тетр. № 402.

ГЮМ – Габова Ю. М., 1935 г. р., род. в д. Мелехина, жительница с. Пянтег; 2011 г.

ЛАА – Лашкова А. А., 1930 г. р., род. в д. Урол, жительница пос. Рябино; 2009 г.

ЛНП – Лопарёва Н. П., 1926 г. р., род. в д. Абог, жительница д. Усть-Уролка; 2011 г.

НАА – Няжильченко А. А., 1926 г. р., род. в д. Коэпты, уехала в Украину; зап. в Коэптах, где НАА гостила у сестры, в 2010 г.

ПАС – Пестерева А. С., 1932 г. р., род. в д. Аниковская, жительница пос. Рябино; 2010 г.

ПНВ – Порошина Н. В., 1928 г. р., жительница с. Редикор; 2011 г.

ШВИ – Шаламова В. И., 1956 г. р., старообрядка, жительница д. Усть-Уролка; 2011 г.

ШМК – Шишигина М. К., 1938 г. р., род. в д. Яранина, жительница с. Пянтег; 2011 г.

Список литературы

Алексеевский М. Д. Сюжет оживления покойника в севернорусских поминальных причитаниях: текст и обрядовый контекст // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 227–262.

Алексеевский М. Д. Похоронно-поминальные причитания Русского Севера: проблемы собирания и современное состояние традиции // Актуальные проблемы полевой фольклористики: сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Иванова. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. университета, 2008. Вып. 4. С. 36–45.

Бахматов А. А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: Материалы и исследования / А. А. Бахматов, Т. Г. Голева, И. А. Подюков, А. В. Черных. Пермь: От и до, 2008. 510 с.

Беломестнова А. С. «Ты прости-ко, прощай...»: об одном сложном случае определения жанра // Антропология. Фольклористика. Социоллингвистика: сб. тезисов конф. молодых ученых / Европейский университет в С.-Петербурге. СПб., 2014. С. 19–22. URL: https://eu.spb.ru/images/et_dep/asf3/Tezisy_konferentsii_FA-EUSPB_mart_2014.pdf (дата обращения: 28.11.2016).

Будрин Е. Причитания по покойнику (В Кунгурском уезде) // Пермский сборник. Кн. 2, отд. 2. М., 1860. С. 128–131.

Вишерская старина: сб. фольк.-этнолингв. материалов по обрядовой традиции Красновишерского р-на Перм. обл. / сост. Н. В. Жданова, И. А. Подюков, С. В. Хоробрых. Пермь: Изд-во ПГПУ, 2002. 100 с.

Елтышев С. А., Королёва С. Ю. «Надя, поплачь...»: заметки о современном бытовании похоронно-поминальных причитаний в Чердынском районе Пермского края // Дергачевские чтения – 2011: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы X Междунар. науч. конф.: в 3 т. / сост. А. В. Подчиненов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. Т. 3. С. 70–80.

Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть: Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская обл.). М.: Сов. композитор, 1980. 392 с.

Зырянов И. В. Сюжетно-тематический указатель свадебной лирики Прикамья: учеб. пособие. Пермь, 1975. 183 с.

Зырянов И. В. О взаимосвязях похоронной и свадебной причети [Рукопись] // Рукописный отдел ИРЛИ РАН. Личный фонд И. В. Зырянова. Ф. 850. Оп 1. Ед. хр. 8. Л. 31–63.

Ильина Ю. И. Усть-цилемские похоронно-поминальные причитания: указатель основных

тем и мотивов // Усть-цилемская фольклорная традиция: справ.-библиогр. мультимедийное изд. / сост. Т. С. Канева. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 2013.

Коваль-Фучило І. М. Українські голосіння: антропологія традиції, поетика тексту. Київ: Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського, 2014. 360 с.

Корнаухов Н. Этнографические черты города Чердыни, Пермской губернии // Отечественные записки. Т. LVII. Отд. VIII. СПб., 1848. С. 49–58.

Левкиевская Е. Е. Письмо // Славянские древности: этнолингвистич. Словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отн., 2009. Т. 4. С. 52–55.

Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской необрядовой лирики. Исследование по эстетике устно-поэтического канона. Л.: Наука, 1989. 172 с.

Марченко Ю. И. Из ранних записей групповой причеты на Русском Севере // Из истории русской фольклористики / отв. ред. А. А. Горелов. Л.: Наука, 1990. Вып. 3. С. 136–155.

Микитенко О. О. Балканослов'янський текст поховального оплакування: прагматика, семантика, етнопоетика. Київ: Видавництво Інститута мистецтвознавства, фольклористики та етнології НАН України, 2010. 424 с.

Народные песни Пермского края: сб. текстов: в 2 т. / отв. ред. Т. В. Пирожкова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 1966. Т. 1. 274 с.

Невская Л. Г. Балто-славянское причитание. Реконструкция семантической структуры. М.: Наука, 1993. 240 с.

Подюков И. А. Карагайская сторона: Народная традиция в обрядности, фольклоре и языке. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2004. 319 с.

Подюков И. А. и др. Усольские древности: сб. трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района к. XIX – XX вв. / И. А. Подюков, А. М. Белавин, Н. Б. Крыласова, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. Усолье; Соликамск; Березники: Перм. кн. изд-во, 2004. 248 с.

Подюков И. А., Хоробрых С. В. Голуби на часовенке: Сказки и песни деревни Усть-Уролка. Пермь: Сота, 2009. 128 с.

Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале: сб. материалов фольк. экспедиций Лаб. нар. культуры Магнитогор. гос. ун-та (1993–2007 гг.) / авт.-сост. Т. И. Рожкова, С. А. Моисеева. Магнитогорск: Изд-во Магитогор. гос. ун-та, 2008. 222 с.

Предтеченский Я. О свадебных обрядах города Чердыни // Пермский сборник. Кн. 1, отд. 2. М., 1859. С. 1–107.

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1: Похоронные причитания / вступ. ст. К. В. Чистова; отв. ред. А. М. Астахова. СПб.: Наука, 1997. 501 с.

Русские плачи Карелии / под ред. М. К. Азатовского. Петрозаводск: Госиздат К.-Ф. ССР, 1940. 322 с.

Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Свадебная поэзия. Похоронная причеть / сост. Р. П. Потанина, Н. В. Леонова, Л. Е. Фетисова. Новосибирск: Наука, 2002. 551 с.

Серебренников В. Н. Похоронные обычаи и причитания по умершим у крестьян Стряпухинской волости Оханского уезда. Пермь: Тип. союза потреб. обществ С.-В. района, 1918. 6 с.

СРНГ 1992 – *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1992. Вып. 27. 401 с.

СРНГ 1998 – *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1998. Вып. 32. 272 с.

Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 2: Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / ред. О. А. Пашина, М. А. Енговатова. М.: Индрик, 2003. 552 с.

Степанова Э. Плачи Прасковьи Савельевой на свою смерть в контексте карельской традиции причеты // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре / сост. А. Д. Соколова, А. Б. Юдкина; отв. ред. Д. В. Громов. М.: ИЭА РАН, 2015. С. 182–196.

Толстая С. М. Обрядовое голошение: семантика, лексика, прагматика // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. С. 135–148.

Успенская Н. Н. От составителя // Духовные стихи Пермского края / сост. Н. Н. Успенская. Екатеринбург: Изд-во Свердл. обл. Дома фольклора, 2009. С. 3–6.

Чердынская свадьба / зап. и сост. И. Зырянов. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1969. 248 с.

Четина Е. М., Роготнев И. Ю. Символические реальности Пармы: Очерки традиционной культуры Пермского края. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2010. 223 с.

Чистов К. В. Русская причеть // Причитания. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 5–44.

Щупак (Мехнецова) Г. Н. Свадебные и похоронные причитания в записях и исследованиях И. В. Зырянова: по архивным материалам Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН // Народная традиционная культура в образовательных программах и научных исследова-

ниях: сб. материалов Всерос. конф. 2008–2010 гг. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 290–308.

Югай Е. Ф. Ключевые образы плача (на материале похоронных и поминальных причитаний Вологодской области): дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 251 с.

Югай Е. Ф. «Я не причитаю, не покажу на голос». Какие строчки причитаний дольше всего сохраняются в памяти? // Механизмы культурной памяти: от фольклора до медиа: тезисы докл. Междунар. науч. конф. / сост. О. Б. Христофорова, Д. И. Антонов, М. В. Ахметова, Н. В. Петров. М., 2014. С. 142–146. URL: <https://yadi.sk/d/mixYРWубсокр8> (дата обращения: 11.11.2017).

Iugai E. “From This Place You Cannot Hear Speech. From This Place You Cannot Receive a Letter”: The Letter-Message in Russian Funeral Lamentations // The Ritual Year 11: Traditions and Transformation. The Yearbook of the SIEF (Société Internationale d’Ethnologie et de Folklore) Working Group on the Ritual Year / ed. by G. Stolyarova, I. Sedakova, N. Vlaskina. Kazan; Moscow: 2016. Vol. 8. P. 185–184.

References

Alekseevskiy M. D. Syuzhet ozhivleniya pokoynika v severnorusskikh pominal’nykh prichitaniyakh: tekst i obryadovyy kontekst [The Motif of the Revival of a Dead Man in Northern Russian Funeral Lamentations: Text and Ceremonial Context]. *Antropologicheskii forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2007, issue 6, pp. 227–262. (In Russ.)

Alekseevskiy M. D. Pokhoronno-pominal’nye prichitaniya Russkogo Severa: problemy sobiraniya i sovremennoe sostoyanie traditsii [Funeral and Memorial Laments of the Russian North: Problems of Collecting and the Current Status of the Tradition]. *Aktual’nye problemy polevoy fol’kloristiki: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 4.* [Current Problems of Folklore Field Research: collection of scientific papers. Issue 4]. Ed. by A. A. Ivanova. Syktyvkar, Syktyvkar State University Press, 2008, pp. 36–45. (In Russ.)

Bakhmatov A. A., Goleva T. G., Podyukov I. A., Chernykh A. V. *Russkie v Komi-Permyatskom okruge: obryadnost’ i fol’klor* [The Russians in Komi-Permyak Okrug: Rituals and Folklore]. Perm, Ot i Do Publ., 2008, 502 p. (In Russ.)

Belomestnova A. S. «Ty prosti-ko, proshchay...»: ob odnom slozhnom sluchae opredeleniya zhanra [“You, forgive me, and farewell...”: about one complicated case of defining a genre]. *Antropologiya. Fol’kloristika. Sotsiolingvistika: sb. tezisev konferentsii molodykh uchenykh* [Anthropology. Folklore. Sociolinguistics: Proceedings of

the Youth Scientific Conference]. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Press, 2014, pp. 19–22. Available at: https://eu.spb.ru/images/et_dep/asf3/Tezisy_konferentsii_FA-EUSPB_mart_2014.pdf (accessed 28.11.2016). (In Russ.)

Budrin E. Prichitaniya po pokoyniku (V Kungurskom uezde) [Funeral Laments for the Dead (In the Kungur County)]. *Permskiy sbornik* [Perm Collection]. Moscow, 1860, vol. 2, pt. 2, pp. 128–131. (In Russ.)

Visherskaya starina: sb. fol’klorno-etnolingvistiicheskikh materialov po obryadovoy traditsii Krasnovisherskogo r-na Permskoy oblasti [Vishersk Antiquity: Collection of Folklore and Ethnolinguistic Materials on the Ritual Tradition of Krasnovishersky District of the Perm Region]. Comp. by N. V. Zhdanova, I. A. Podyukov, S. V. Khorobrykh. Perm, Perm State Pedagogical University Press, 2002. 100 p. (In Russ.)

Elytshev S. A., Koroleva S. Yu. «Nadya, poplach...»: zametki o sovremennom bytovanii pokhoronno-pominal’nykh prichitaniy v Cherdynskom rayone Permskogo kraya [“Nadya, Cry...”: Notes on the Current State of Funeral and Memorial Laments in Cherdynsky District of the Perm Region]. *Dergachevskie chteniya – 2011: Russkaya literatura: natsional’noe razvitie i regional’nye osobennosti. Materialy X mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. V 3 t.* [Dergachevsky Readings – 2011. Russian Literature: National Development and Regional Features. Proceedings of X international scientific conference. In 3 vols.]. Comp. by A. V. Podchinnov. Ekaterinburg, Ural State University Press, 2012, vol. 3, pp. 70–80. (In Russ.)

Efimevkova B. B. *Severno russkaya prichet’: Mezhdurech’e Sukhony i Yuga i verkhov’ia Kokshen’gi (Vologodskaya obl.)* [Northern Russian Folk Laments: Sukhona and Yug’s Interfluvium and the Upper Kokshenga (the Vologda Region)]. Moscow, Sovetskiy Kompozitor Publ., 1980. 392 p. (In Russ.)

Zyryanov I. V. *Syuzhetno-tematicheskii ukazatel’ svadebnoy liriki Prikam’ya* [The Plot and Theme Index of Wedding Lyrics of Prikamye]. Perm, 1975. 183 p. (In Russ.)

Zyryanov I. V. *O vzaimosvyazakh pokhoronnoy i svadebnoy pricheti* [On Interrelations of Funeral and Wedding Laments (Manuscript)]. Manuscript Division of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences. Private Fund of I. V. Zyryanov. F. 850, register 1, storage object 8, pp. 31–63. (In Russ.)

Il’ina Yu. I. Ust’-tsilemskie pokhoronno-pominal’nye prichitaniya: ukazatel’ osnovnykh tem i motivov [Ust-Tsilma Funeral Laments: the Index of

Main Themes and Motifs]. *Ust'-tsilemskaya fol'klornaya traditsiya: Spravochno-bibliograficheskoe izdanie* [Ust-Tsilma Folklore Tradition: Reference and Bibliographic Multimedia Edition]. Comp. by T. S. Kaneva. Syktyvkar, Syktyvkar State University Press, 2013. (In Russ.)

Koval-Fuchilo I. M. *Ukrains'ki golosinnia: antropologiya traditsii, poetika tekstu* [Ukrainian Laments: the Anthropology of Tradition, the Poetics of Text]. Kiev, Institute of Art Studies, Folklore Studies and Ethnology of National Academy of Sciences of Ukraine Press, 2014, 360 p. (In Ukrain.)

Kornaukhov N. *Etnograficheskie cherty goroda Cherdyni, Permskoy gubernii* [Ethnographic Features of the town of Cherdyn, Perm Province]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland], issue LVII, part VIII, 1848, pp. 49–58. (In Russ.)

Levkievskaya E. E. Pis'mo [Writing]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic Antiquities: The Ethnolinguistic Dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 2009, vol. 4. pp. 52–55. (In Russ.)

Maltsev G. I. *Traditsionnye formuly russkoy nebrivadovoy liriki. Issledovanie po estetike ustno-poeticheskogo kanona* [Traditional Formulas of Russian Non-Ritual Lyrics. The Study of Aesthetics of the Oral-Poetic Canon]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 172 p. (In Russ.)

Marchenko Yu. I. *Iz rannikh zapisey gruppovoy pricheti na Russkom Severe* [From the Early Notes of the Group Laments in the Russian North]. *Iz istorii russkoy fol'kloristiki* [From the History of Russian Folklore Studies]. Ed. by A. A. Gorelov. Leningrad, Nauka Publ., 1990, issue 3, pp. 136–155. (In Russ.)

Mikitenko O. O. *Balkano-slov'ianskiy tekst pokhoyal'nogo oplakuvannia: pragmatika, semantika, etnopoetika* [Balkano-Slavic Text of the Funeral Lamentation: Pragmatics, Semantics, Ethnopoetics]. Kiev, Institute of Art Studies, Folklore Studies and Ethnology of National Academy of Sciences of Ukraine Press, 2010. 424 p. (In Ukrain.)

Narodnye pesni Permskogo kraya. Sbornik tekstov v 2 t. [Folk Songs of the Perm Region. Collection of Texts in 2 vols.]. Ed. by T. V. Pirozhkova. Perm, Perm State University Press, 1966, vol. 1. 274 p. (In Russ.)

Nevskaya L. G. *Balto-slavianskoe prichitanie. Rekonstruktsiya semanticheskoy struktury* [Balto-Slavic Laments. The Reconstruction of the Semantic Structure]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 240 p. (In Russ.)

Podyukov I. A. *Karagayskaya storona: Narodnaya traditsiya v obryadnosti, fol'klоре i yazyke* [Karagay Territory: Ethnic Tradition in Rites, Folklore

and Language]. Kudymkar, Komi-permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2004. 319 p. (In Russ.)

Podyukov I. A. et al. *Usol'skie drevnosti. Sbornik trudov i materialov po traditsionnoy kul'ture russkikh Usol'skogo rayona k. 19 – 20 vv.* [Usolsk antiquities. Collection of Articles and Materials on the Traditional Culture of the Russians in the Usolsky District in the 19th–20th centuries]. Usolye, Solikamsk, Berezniki, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2004. 248 p. (In Russ.)

Podyukov I. A., Khorobrykh S. V. *Golubi na chasovenke: Skazki i pesni derevni Ust'-Urolka* [Pigeons on the Chapel: Tales and Songs of Ust-Urolka Village]. Perm, Sota Publ., 2009. 128 p. (In Russ.)

Pokhoronno-pominal'nye traditsii na Yuzhnom Urale: sbornik materialov fol'klornykh ekspeditsiy laboratorii narodnoy kul'tury Magnitogorskogo gosudarstvennogo universiteta [Funeral and Commemorative Traditions in the Southern Urals: Collection of Materials of Folklore Expeditions of Folk Culture Laboratory of Magnitogorsk State University (1993–2007)]. Comp. by T. I. Rozhkova, S. A. Moiseeva. Magnitogorsk, Magnitogorsk State University Press, 2008. 222 p. (In Russ.)

Predtechensky Ya. *O svadebnykh obryadakh goroda Cherdyni* [On Wedding Ceremonies of the Town of Cherdyn]. *Permskiy sbornik* [Perm Collection]. Moscow, 1859, vol. 1, part 2, pp. 1–107. (In Russ.)

Prichitaniya Severnogo Kraya, sobrannye E. V. Barsovm [The North Region Laments collected by E. V. Barsov]. Preface by K. V. Chistov, ed. by A. M. Astakhov. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 1. *Pokhoronnye Plachi* [Funeral Laments]. 501 p. (In Russ.)

Russkie plachi Karelii [Russian Laments of Karelia]. Ed. by M. K. Azadovskiy. Petrozavodsk, Gosizdat K-F SSR Publ., 1940. 322 p. (In Russ.)

Russkiy semeyno-obryadovyy fol'klor Sibiri i Dalnego Vostoka: Svadebnaya poeziya. Pokhoronnaya prichet' [Russian Family and Ritual Folklore of Siberia and the Far East: Poetry of Wedding Rituals. Funeral Laments]. Comp. by R. Potanina, N. Leonova, L. Fetisova. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002. 551 p. (In Russ.)

Serebrennikov V. N. *Pokhoronnye obychai i prichitaniya po umershim u krestyan Striapukhinskoy volosti Okhanskogo uezda* [Funeral Rites and Laments for the Dead of the Peasants of Stryapuhinsky County of Okhansky District]. Perm, 1918. 6 p. (In Russ.)

Slovar' russkikh narodnykh govorov [The Dictionary of Russian Dialects]. Ed. by F. P. Sorokoletov. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, vol. 27. 401 p. (In Russ.)

Slovar' russkikh narodnykh govorov [The Dictionary of Russian Dialects]. Ed. by F. P. Sorokoletov. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998, vol. 32. 272 p. (In Russ.)

Smolenskiy muzykal'no-etnograficheskiy sbornik [Smolensk Musical and Ethnographic Collection]. Ed. by O. A. Pashin, M. A. Yungovatov. Moscow, Indrik Publ., 2003, vol. 2. Pokhoronnyy obryad. Plachi i pominal'nye stikhi [Funeral Rite. Laments and Folk Memorial Poems]. 552 p. (In Russ.)

Stepanova E. Plachi Praskov'i Savel'evoy na svoyu smert' v kontekste karel'skoy traditsii pricheti [Praskovya Saveleva's Laments for Her Own Funerals in the Context of the Karelian Lament Tradition]. *Memento Mori: pokhoronnye traditsii v sovremennoy kul'ture* [Memento Mori: Burial Tradition in Contemporary Culture]. Ed. by D. V. Gromov. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Science Press, 2015, pp. 182–196. (In Russ.)

Tolstaya S. M. Obryadovoe goloshenie: leksika, semantika, pragmatika [The Ritual Lamentation: Vocabulary, Semantics, Pragmatics]. *Mir zvuchashchiy i molchaschiy. Semiotika zvuka i golosa v traditsionnoy culture slavyan* [The World of Sounds and Silence: Semiotics of Sound and Voice in Slavic Traditional Culture]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 135–148. (In Russ.)

Uspenskaya N. N. Ot sostavitelya [From the Compiler]. *Dukhovnye stikhi Permskogo kraya* [Spiritual Verses of the Perm Region]. Ekaterinburg, Sverdlovsk Regional House of Folklore Press, 2009, pp. 3–6. (In Russ.)

Cherdynskaya svad'ba [Cherdyn Wedding]. Comp. by I. V. Zyryanov. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1969. 248 p. (In Russ.)

Chetina E. M., Rogotnev I. Yu. *Simvolicheskie real'nosti Parmy: Ocherki traditsionnoy kul'tury Permskogo kraya* [Symbolic Sealities of Parma: Essays on Traditional Culture of the Perm region]. Perm, Perm State University Press, 2010. 223 p. (In Russ.)

Chistov K. V. Russkaya prichet' [Russian Laments]. *Prichitaniya* [Lamentations]. Leningrad, Sovetskiy Pisatel' Publ., 1960, pp. 5–44. (In Russ.)

Shchupak (Mekhnetsova) G. N. Svadebnye i pokhoronnye prichitaniya v zapisyakh i issledovaniyakh I. V. Zyryanova: po arkhivnym materialam Instituta russkoy literatury (Pushkinskiy Dom) RAN [Wedding and Funeral Laments in I.V. Zyryanov's Notes and Research: Archival Materials of the Institute of Russian Literature (Pushkin House), RAS]. *Narodnaya traditsionnaya kul'tura v obrazovatel'nykh programmakh i nauchnykh issledovaniyakh: Sb. mat-lov vseross. konf. 2008–2010 gg.* [Traditional Culture in Educational Programs and Scientific Researches: Proceedings of Russian Scientific Conferences, 2008–2010]. St. Petersburg, Polytechnic University Press, 2013, pp. 290–308. (In Russ.)

Iugai E. F. *Klyuchevye obrazy placha: na material pohoronnykh i pominalnykh prichitaniy Vologodskoy oblasti*. Diss. kand. filol. nauk [Key Images of Laments: on the Material of Laments of the Vologda Region. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011, 251 p. (In Russ.)

Iugai E. F. «Ya ne prichitayu, ne pokazhu na golos». Kakie strochki prichitaniy dol'she vsego sokhranyayutsya v pamyati? [“I Don't Sing the Laments, I Don't Show Them in the Voice”. Which Lines of Laments are Stored the Longest in Memory?]. *Mekhanizmy kul'turnoy pamiati: ot fol'klora do media: tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Mechanisms of Cultural Memory: From Folklore to Media: Abstracts of International Scientific Conference]. Comp. by O. B. Khristoforova, D. I. Antonov, M. V. Akhmetova, N. V. Petrov. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2014, pp. 142–146. Available at: <https://yadi.sk/d/mixYPWu6cokr8> (accessed 11.11.2017). (In Russ.)

Iugai E. F. “From This Place You Cannot Hear Speech. From This Place You Cannot Receive a Letter”: The Letter-Message in Russian Funeral Lamentations. The Ritual Year 11: Traditions and Transformation. The Yearbook of the SIEF (Société Internationale d'Ethnologie et de Folklore) Working Group on the Ritual Year. Ed. by G. Stolyarova, I. Sedakova, N. Vlaskina. Kazan–Moscow, 2016, vol. 8, pp. 185–184. (In Eng.)

**TRADITIONAL FUNERAL LAMENTS OF CHERDYN AREA:
CURRENT STATUS, RITUAL LEXIS, “LETTER-MESSAGE” MOTIF**

Svetlana Yu. Korolyova

Associate Professor in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. petel@yandex.ru

SPIN-code: 4734-5735

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4246-907X>

ResearcherID: R-9645-2017

Maria A. Brukhanova

Master's Student in the Department of Journalism and Mass Communications

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. petel@yandex.ru

SPIN-code: 1950-4874

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9489-5172>

ResearcherID: S-1044-2017

Submitted 25.12.2017

The article considers the current status of traditional funeral and commemorative laments in Northern Prikamye. The main objects under analysis are various forms of laments which were recorded in Cherdyn area in the 19th–20th centuries and during a special field research in 2009–2011. The first part of the article includes a review of published texts of laments and discusses some ways to study them. It should be noted that the laments of Prikamye were recorded not systematically and not purposefully. The main gap is the lack of ethnographic details which show the functioning of this genre in the ritual life of villagers. The focus of this article shifts from the traditional point – texts and poetics – to the ritual and communicative context. The main material is the narratives of lament-singers and their listeners. The paper shows some mechanisms of improvisation and reveals some factors which inspire lament-singers to join the tradition. When the traditional “culture of crying” almost lost its relevance, lament-singers sing lamentations according to a previously given promise, or an oral “testament” which the person left during their lifetime. Another question resolved in the article is description of vernacular ritual terms and some expressions used by informants when they tell about funeral and commemorative lamentations. This terminology in Cherdyn area is differentiated; there are special words and collocations which are used for nomination of wedding lamentations and funeral laments. The last part of the article contains analysis of the particular traditional verbal formula – sending a letter-message (into the afterworld or back); this popular motif of laments is connected with mythological representations and ritual practices used by the inhabitants of Cherdyn area. Thus, the special collocation “vestku-gramotku peredat” (to pass on a letter-message) is not only a nomination of a lament motif but also a local ritual term.

Key words: ritual poetry; funeral and commemorative laments; motif; traditional formula; vernacular ritual terminology; Russian mythological and ritual tradition.